

Анна Миколайчик

ИЗБРАННОЕ

«Я прочел Вашу пьесу, и меня охватило чувство глубокой благодарности за душевность, деликатность, понимание, которые Вы проявили при создании образа незабвенной Наташи Николаевны Пушкиной. Живой, выразительный язык драмы, обилие образов, гибкость интонаций позволили Вам запечатлеть огромный мир человеческих чувств и страстей, точно воссоздать атмосферу времени, в которой жили Натали и Александр Пушкины». В. Я. Дубровский, театровед, историк театра

«Спасибо за рукопись. “ Не властны мы в своей судьбе...” обладает бесспорными литературными достоинствами. Уверен, спектаклю по Вашей пьесе будет сопутствовать успех...» И.Л. Евсеев, пом. художественного руководителя МДТ — Театр Европы.

*«Прочла “ Не властны мы в своей судьбе...” Пьесе и языку — только комплименты!»
Т. Печегина, руководитель литературно-драматической части театра
Романа Виктюка*

Автор — филолог по образованию. Прозу, ранее опубликованную в журнальных вариантах и вошедшую в это издание, отличает нетривиальность сюжетов, непредсказуемость поступков героев и своеобразие их характеров. Независимо от того, в каком жанре написано то или другое произведение — детектив, повесть, пьеса, рассказ, — каждому из них присущи динамизм действия, лаконизм диалога, и ... выраженная экспрессия.

Анна Миколайчик

Избранное

«Э.РА»

2019

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

Миколайчик А.

Избранное / А. Миколайчик — «Э.РА», 2019

ISBN 978-5-99062-273-9

Автор, филолог по образованию, работает в различных жанрах. «Избранное» – это книга, являющаяся в некотором роде индикатором того времени, в котором живут и действуют ее герои: в ней рассказываются истории людей, попадающих в различные обстоятельства, конфликтующих и с собой, и с обществом. В первом произведении – детективе, случайный выбор главным героем маскарадного костюма оказался не только символом отождествления с действиями палача, но и явился неоспоримой уликой, сыгравшей немалую роль в совершенном преступлении. Начавшаяся, казалось бы, поначалу счастливая жизнь юной Натали Гончаровой-Пушкиной в пьесе «Не властны мы в судьбе своей...» полна драматических коллизий... И не только из-за ложных обвинений... Юная Лиз, героиня повести «Игра... фантазии... и... явь» в силу своей наивности оказалась в плену ошибочных представлений о выборе своего жизненного пути. И это привело ее к неожиданной и опасной ситуации...

УДК 821

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-99062-273-9

© Миколайчик А., 2019

© Э.РА, 2019

Содержание

Карнавальный палач	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анна Миколайчик

Избранное

Карнавальный палач

Детектив

В Дюссельдорфе в феврале, как это обычно повторяется из года в год, во время карнавальных празднеств наступает настоящая зима. Порой мороз доходит до минус двадцати. А потом вместе с карнавальной шумихой уходят и холода, словно кому-то не по нраву недельные кривлянья и гримасы пестро разодетых людей. И тогда наказание морозами сменяется грязновато-благодушной оттепелью.

В прошедшие субботу и воскресенье был пик карнавальных гуляний и самые холодные дни. Из-за сильного ветра, который пронизывал насквозь, людям казалось, что на улице не минус девять, а все двадцать девять. Но затем, в понедельник, минусовая температура с утра еще держалась, но потом резко пошла на убыль.

То ли крутая смена холода и тепла, то ли внезапный переход в жизни города от карнавальной фантазмагии к повседневности, внезапно принесли Вильфриду Штоку жуткую головную боль. Мигренью он страдал давно, с юности, боялся и ненавидел эти приступы боли, которые на несколько часов, а то и дней, выбивали его из колеи. Он так толком и не знал никогда, по какой причине они накатываются. И старался как можно быстрее забыть о приступах, как только боль исчезала... В полиции не существует выходных или праздничных дней в обычном понимании, как у большинства, – полиция должна быть в любой момент начеку, – и Штоку, главному комиссару одного из отделов криминальной полиции Дюссельдорфа, как всегда нужно было немедленно включиться в разбор новых неотложных дел.

Его внешность, как ни странно, не сочеталась с обычными представлениями о шефе полиции, и те, кто видел его впервые, разочарованно удивлялись про себя: «Как этот старик-добряк, (хотя ему не было и пятидесяти), попал в полицию...?» И действительно, среднего роста, лысеющий, круглолицый, голубоглазый, с мечтательно отстраненным взглядом, казавшийся даже полноватым, Шток мог навести, на какое угодно предположение о его профессии, только – не полицейского. В полицию всегда отбирают высоких крепких ребят, и над юным Штоком поначалу посмеивались, но... скоро насмешки и снисходительные взгляды коллег исчезли, молодой человек проявил незаурядные аналитические способности, и именно ему все чаще удавалось решать наиболее сложные криминалистические головоломки. Поэтому через некоторое время он прослыл лучшим в округе следователем.

Его помощник, Вибке, был полной противоположностью ему: высокий, спортивного вида, с шевелюрой «ежиком», с невыразительными чертами лица, тем не менее, привлекающий внимание каким-то острым пронизывающим взглядом. Он и Шток давно работали вместе и хорошо понимали друг друга.

Шток иногда позволял себе из-за приступов мигрени являться на работу немного позже. В понедельник пятнадцатого февраля в свой кабинет он попал около одиннадцати (после того, как дома принял таблетки от головной боли и заставил себя застыть в неподвижной позе в огромном, с откидывающейся спинкой, старом кресле, оставаясь в таком положении около двух часов). Но едва он вошел в кабинет, как тут же постучали, и на пороге появился инспектор Вибке – с ним Шток созвонился утром и уже знал о случившемся. Вибке, не откладывая дела в долгий ящик, начал рапорт:

– Ранним утром поступил сигнал, что в общей мусорной свалке за городом обнаружен труп молодого человека, засунутого сначала в пластиковый, а потом в матерчатый мешок. Шофер одного из мусоровозов, подъезжая к свалке и собираясь сбросить свой очередной груз, заметил высывающиеся из-под мусора приличные, как ему показалось, туфли. Хотел их взять, потянул, и... вытащил труп с пластиковым мешком на голове. Он тут же позвонил нам. Я с бригадой экспертов сразу выехал на свалку, но... Убит-то парень не там. Очевидно, кто-то, зная, что после карнавала в понедельник весь мусор будет тщательно убираться, а мусорные контейнеры освободаться, понадеялся, что попавший на свалку труп найдут не скоро, а значит – и следы будут затеряны. Ни шофер, ни мусорщик, по-видимому, при загрузке-разгрузке ничего не заметили. Позже будет готова медэкспертиза. Все мусорщики, работающие в это утро, будут опрошены. Вот так закончился карнавал, – мрачно добавил Вибке.

– Убитый был в карнавальном костюме?

– Нет.

– Надо дать его данные по радио, показать фото по телевидению. В общем, как обычно в таких случаях. Возможно, кто-то его знает, откликнется, – сказал Шток.

– Я уже дал сообщение в средства массовой информации, но не доложил раньше, не хотел... беспокоить. Приступ прошел? – участливо спросил Вибке, который знал, что у его шефа приступы головной боли хотя и бывают не так уж часто, но проходят тяжело.

– Почти, – недовольно поморщился Шток, он не любил говорить о своей болезни. – Ладно, зайдешь, когда будут известны результаты экспертизы и опроса мусорщиков.

Вибке вышел.

* * *

Шток тоскливо уставился в окно. Головная боль прошла не совсем. Пульсация в левом виске уменьшилась, но еще осталось некоторое ощущение давления на левый глаз.

– Ну почему людям нет покоя на этой земле? Ну почему надо обязательно убивать друг друга? Даже – в самый веселый праздник – карнавал! – И сам себе усмехнулся... И такие вопросы задает он, старый полицейский волк...

Потом он предположил, что, вполне вероятно, новое дело окажется не таким уж сложным, если найдутся люди, знавшие убитого. Ему хотелось в это верить. Самым тяжелым и ненавистным было для него, когда преступление оставалось нераскрытым, а дело приходилось закрывать за истечением срока. Шток решил не давать ходу мрачным мыслям. И подумал, что надо опять немного посидеть неподвижно. Иногда это помогало полностью избавиться от боли. «Мигрень требует полного покоя», – нередко повторял ему врач.

После обеда Вибке принес первые результаты экспертизы и опроса. Убили парня тринадцатого февраля. Сначала он был оглушен тяжелым предметом по голове, второй удар его добил. Ни на теле, ни на голове убитого не осталось ни ран, ни кровоподтеков, только огромная гематома на задней части головы. Не было ни оторванных пуговиц, ни рукавов, значит, по всей вероятности, не было и драки. Удар, как сообщили эксперты, был для потерпевшего неожиданным. Молодой человек был убит, сидя на корточках, потом от удара он упал на колени, и в таком положении оставался много часов, пока труп не остыл. Отпечатки пальцев преступник не оставил. У парня, уже мертвого, были сломаны позвонки на шее и спине от вдавливания тела в мусорный контейнер. Труп был замечен на свалке в восемь часов сорок минут. До этого там разгрузили только две мусорные машины. Обе они были задействованы на территории восточной части города, в районе Хольцхайма.

Двое рабочих и оба шофера первых в это утро машин заявили, что ничего при разгрузке не заметили, в контейнеры не заглядывали, надобности в этом нет. Машина снабжена автороботом, к нему подводится на роликах контейнер, робот поднимает его, затем опрокидывает,

мусор высыпается, контейнер ставится на место. Вся процедура занимает две-три минуты. Какой мусор поступает в машину, они тоже не смотрят. Когда машина была наполнена, ее отвезли на свалку и выгрузили, тут же поехали обратно в город и продолжили работу. Шток молча выслушал донесения Вибке.

– Есть какие-то сигналы? Кто-то опознал парня? – после небольшой паузы спросил он.

– Нет. Пока никто.

– Вот что, в вечерние сообщения по радио и телевидению дай уточнение, что преступление, по всей видимости, было совершено в восточном районе, в пределах таких-то улиц. Если кто-то заметил что-то подозрительное тринадцатого-четырнадцатого или в ночь на пятнадцатое февраля, пусть позвонит в полицию. Если к утру никто не позвонит, сообщение повторять по радио и телевидению через каждые три часа.

* * *

До утра шестнадцатого февраля полицию никто не беспокоил. А утром позвонил один старик и заявил, что в ночь с четырнадцатого на пятнадцатое его собака вела себя очень беспокойно. Она тоскливо и глухо выла, обычно собаки так воют, когда чувствуют покойников. И еще: он вроде бы видел тринадцатого февраля похожего парня во дворе соседнего старого дома-дачи. Как будто это он. Но кто этот парень – старик не знает. Он назвал свое имя и сообщил адрес.

Позже поступило еще несколько звонков от молодых людей, двух девушек и трех парней. Все они отказались назвать себя, но заявили, что знали этого парня. Он – студент университета, назвали его имя.

* * *

Старый Вебер вел замкнутую, спокойную и размеренную жизнь. Из дома выходил только за покупками и всегда вместе с собакой, хотя места для прогулок ей было достаточно и в их запустелом саду. Детей у него не было, жена умерла три года назад, и он до сих пор не мог смириться с этой утратой. Большим усилием воли заставлял себя двигаться и поддерживать тот режим, который был организован в доме еще его супругой. Одиночество его скрашивала только овчарка Джессика. Иногда он играл в шахматы сам с собой, но чаще по вечерам занимался рассматриванием многочисленных старых альбомов с фотографиями. И он, и жена очень любили путешествовать, поэтому большинство фото были сделаны во время поездок в разные страны. Вебер не любил зиму, она казалась ему каким-то замершим, почти омертвевшим временем года. Но особенно он не терпел слякоть и дождь. Ему представлялось, что и его овчарка ненавидит дожди. В такие дни выражение тоски не сходило с ее морды. Хозяин понимал, что его состояние передавалось и верному псу. В ночь с четырнадцатого на пятнадцатое февраля Вебер проснулся, услышав, как глухо воет собака. На ночь она всегда оставалась во дворе, в своей будке. Он поднялся и посмотрел в окно, но ничего не заметил, было темно. Он едва различил Джесси. Собака вышла из своего домика и, улегшись на лапы, выла протяжно и жалобно, временами поднимая кверху морду, словно поглядывая, слышит ли ее хозяин, потом на время замолкала. В одну из таких пауз Вебер опять уснул. Проснулся он, когда рассвело, и почти тотчас опять услышал вой собаки. Как ему показалось, ее вытье было особенно тоскливо, словно она кого-то оплакивала. Старику стало не по себе. Он вспомнил, что она точно так же выла, когда умерла его жена. У него разнылось сердце, и он вынужден был принять сердечные капли. Курт Вебер знал, что собака никогда не будет выть просто так. Значит, что-то произошло. Он выглянул в окно: мусорщики переходили от дома к дому, опустошая контейнеры. Через несколько минут собака перестала выть, хотя и вела себя еще беспокойно. Вебер решил, что надо выгулять собаку, оделся, запер двери, взял на поводок Джесси, и они вышли за

ворота. Настроение пса улучшилось. Вебер знал, что Джесси любит гулять, встречаться с другими собаками, и она никогда не рычала на своих соплеменников, только дружелюбно повиливала хвостом, будто приветствовала их.

* * *

Когда Вибке в очередной раз вошел в кабинет Штока семнадцатого февраля, Шток сразу же по его лицу понял, что инспектор не удовлетворен теми данными, которые они получили, устанавливая личность убитого.

– Какая-то чехарда, – недовольным тоном заметил он. – В действительности, якобы, живет и здравствует студент университета экономического факультета Марк Гринберг. Его мать сказала, что беседовала с ним полчаса назад по телефону. Вчера он с друзьями уехал в Италию. Решил отдохнуть на каникулах. Она видела по телевизору фотографию убитого парня. Он похож на ее сына, да, но ее сын жив, а кто этот парень – она не знает. Заявила, что сын тринадцатого и четырнадцатого встречался с друзьями. Они устроили карнавальное застолье, пятнадцатого был дома, а шестнадцатого решил с группой тех же друзей уехать в Италию. Вернется через неделю-полторы.

– А где было это застолье? – спросил Шток.

– Да там же, где живет и старик, который заявил, что его собака жутко выла, и где он видел тринадцатого февраля парня, похожего на того, чье фото показывали по телевидению.

– Да, замечательная получается история, – пробурчал Шток. – Когда ты встретишься с Вебером?

– Завтра утром навещу старика дома да и осмотрю все, что можно, на месте. Приглашу и фрау Гринберг встретиться со мной.

* * *

– Меня зовут Вибке, – инспектор протянул Веберу свое полицейское удостоверение.

Вебер, едва взглянув на него, жестом предложил ему войти.

– Что можете еще сообщить кроме того, что сказали по телефону? – спросил Вибке, удобно устраиваясь в мягком кресле. – Знаете ли вы этого парня? Кому вообще принадлежит этот дом?

– Я знаю, что раньше он принадлежал старому Иосифу Гринбергу. Вначале его использовали как дачу: с мая и до конца бабьего лета. Но последние десять лет он стоял пустым. Никто даже в летнее время не жил в нем. Почему? Не могу сказать, с Гринбергом не имел тесных отношений. Когда встречались, разговаривали как соседи, но не больше. Последние полтора года во время каких-либо праздников иногда видел молодых людей во дворе дома. Но чаще белокурого парня, приехавшего, как правило, с девушкой. Я думаю, что это внук или родственник Гринберга. У Гринберга были две дочери, но тогда, когда еще вся семья приезжала на дачу, они были не замужем, а позже я их не видел. Приехавший белокурый юноша очень похож на того, чье фото я видел по телевидению.

– Когда вы в последний раз видели его?

– Да, в самый пик карнавала, тринадцатого февраля. В тот морозный день было очень холодно из-за ветра, я даже не пошел гулять с Джесси. Где-то после полудня подъехали к дому машины, кажется, их было две. Из них выскочили молодые люди в карнавальных костюмах, некоторые с разрисованными лицами. Сколько их было, точно не помню... семь или восемь человек. Этот белокурый, если не ошибаюсь, был в маске алого цвета и в ярко-красной накидке. Как мне тогда показалось, его одеяние имело сходство с костюмом палача. В компании были две или три девушки. Все они со смехом, шутя и толкаясь, направились к дому. Что происхо-

дило внутри, я, конечно, сказать не могу. Все окна были завешены шторами. Когда они уехали, не знаю, я рано иду спать. И вообще, мне из окон моего кабинета виден только двор, вход в дом с другой стороны.

– Вы не слышали ничего подозрительного? Криков, угроз, драки?

– Нет, ничего. По теням на шторах можно было догадаться, что они там танцуют, ходят. Это, наверное, все, ничего более конкретного сообщить не могу.

Вибке, поблагодарив его, сказал, что если понадобится, возможно, придется встретиться еще.

Инспектор решил убить двух зайцев, поговорив еще и с матерью Марка Гринберга. Он рассчитывал, что она покажет ему дом и всё, что в нем. Он ждал недолго. Вскоре к нему подошла миловидная женщина лет пятидесяти. Поздоровавшись, посмотрела его удостоверение. Подошла к воротам, открыла щеколду изнутри, они вошли во двор. Там почти ничего не было, если не считать зеленого цвета большой контейнер. Вибке не преминул заглянуть туда, он был пуст, что показалось немного странным, учитывая прошедшие праздники. Фрау Гринберг открыла дверь в дом и пропустила туда сначала Вибке, потом зашла сама. Коридор был длинный, узкий и полутемный. Из него они сразу попали в большую кухню-гостиную. В ней находились: малогабаритная электрическая плита, большой камин, стояло не то огромное кресло, не то небольшая софа, стол со стульями, музыкальная установка, узкий старомодный буфет и большой холодильник. В камине осталась зола, несколько поленьев лежали рядом. Кругом все было прибрано, никаких следов веселья. Вибке побывал во всех трех небольших комнатах, вход в которые был тут же, из кухни-гостиной. Одна из комнат выглядела как настоящая спальня – с большой кроватью – и была побольше остальных; в других – стояли старая тахта и диван. Все они были убраны. Потом Вибке побывал на чердаке, в погребе, вход в который был со двора. Осмотрев их, он понял, что там давно никто не бывал, кругом лежал толстый слой пыли. Фрау Гринберг не сопровождала инспектора при осмотре дома, оставаясь сидеть в гостиной.

– Есть еще какие-то помещения в доме? – спросил Вибке.

– Вы, наверное, все осмотрели, – как-то неуверенно произнесла фрау Гринберг. – В коридоре есть еще маленькая кладовка. Вы видели ее?

– Нет, не видел. Где она?

– В самом конце коридора. – И Гринберг встала, чтобы показать, где можно включить свет.

Вибке вошел в кладовку и увидел посреди маленькой комнатки колченогий стул, а также грудку старых вещей у стены. Внимательно оглядев комнату, Вибке решил, что тут не так давно кто-то был.

– Вы часто заходите сюда?

– Я вообще здесь нечасто бываю. Но после встреч сына с друзьями я заглядываю сюда, чтобы воспользоваться какой-нибудь старой тряпкой и вымыть полы. Но Марк иногда копается в этой грудке хлама и вытаскивает что-то интересное для себя. И в этот раз он даже сам везде полы вымыл... и здесь тоже.

– Обычно это делаете вы?

– Не всегда, иногда он... вместе с подружкой.

– В этот раз где вы убрали?

– В спальне я перестлала постель, убрала золу около камина в кухне, навела порядок в других комнатах, вытерла пыль везде.

– Вы можете припомнить, может, что-то было как-то по-другому? Не в той последовательности находились вещи, что-то сдвинуто, что-то не так...?

– Нет, ничто особенное мое внимание не привлекло, хотя, вероятно, где-то что-то уже не лежит так, как раньше. Но мы здесь очень редко бываем, поэтому я не придаю значения... –

Она немного замялась, подыскивая нужное слово. – Я не считаю, что здесь нужно поддерживать особый порядок, и я не обращала никогда внимания, все здесь так, как прежде, или уже по-иному.

– Жаль... возможно, следствию это могло бы очень и пригодиться, – назидательно произнес Вибке.

Фрау Гринберг смутилась.

– Когда приезжает ваш сын?

– В воскресенье или понедельник.

– Когда он приедет, пусть сразу позвонит нам, – и Вибке передал ей свой рабочий телефон.

В воскресенье Вибке специально пришел на работу ради звонка. Он прождал до полудня, но Марк Гринберг не позвонил. Вибке не стал звонить ему домой, решил подождать до понедельника.

* * *

– Ма, как хорошо, что ты не поехала меня встречать, как хотела... такой ливень, я весь промок! – улыбаясь, произнес Марк, входя в квартиру. Снятую еще в коридоре куртку он повесил на стоявший в прихожей стул. Обнял мать. – Я такой голодный, ты не представляешь. Прости, но мы все деньги растратили.

– Ну что ж... Пойдем, я приготовила тебе завтрак: твою любимую яичницу с докторской колбасой и салат. – Мать неожиданно на минуту прижала сына к себе. – Боже мой, как я рада, что ты вернулся! – У нее вырвался вздох облегчения.

– Ты что, так волновалась? Я же не на войну уезжал, разве можно так волноваться из-за пустяков? Ты должна себя беречь, ведь мы с тобой остались одни... отец... – с болью начал он, но не договорил и добавил, – но ничего, мы с тобой сильные, да, мамуля?

– Да, конечно, мой родной! Ешь, а я пойду почту посмотрю.

– Какую почту? Сегодня же воскресенье.

– Ах да, действительно, что же это я...

– Ты сегодня какая-то рассеянная, – улыбнулся Марк.

Она ничего не ответила и вышла в другую комнату. Любовь Александровна не хотела, чтобы сын раньше времени заметил, что она встревожена. «Пусть лучше спокойно поест... Потом... Успею рассказать».

Всю прошедшую ночь она не могла сомкнуть глаз. Сначала объявление по телевидению, фото убитого парня, потом звонок Вибке и осмотр дома. Иногда ее начинало трясти от одного только предположения, что этим убитым парнем мог быть ее сын. Но потом она успокаивала себя как могла:

– Не может же быть, чтобы я не узнала голос Марка по телефону! Он такой же, как всегда, говорил с той же интонацией... как обычно, обращался ко мне так, как мог это сделать только он, мой Марк, а не чужой человек... И вот, слава Богу, сын жив, она дождалась его. А все остальное – какое-то недоразумение. Но оно выяснится! – Гринберг закрыла лицо руками и застыла. Любовь Александровна не видела, как в комнату тихо вошел Марк.

– Мама, что ты сидишь здесь? Ты какая-то странная сегодня. Что случилось? Что? – подойдя к матери, присев на корточки и положив ей руки на колени, спросил Марк. Потом пересел на диван рядом с ней.

– Да, Марк, что-то случилось, но я не нахожу всему этому объяснения... – она взглянула на сына и добавила: – Ты должен сегодня, сейчас, позвонить в полицию. Вот телефон.

– Я? В полицию? Зачем? – неприязненная, брезгливая и одновременно чуть испуганная гримаса исказила его лицо.

– Сначала мне позвонили из полиции и спросили, где ты. А потом попросили встретиться возле дачи и показать дом... что я и сделала. Много раз по телевидению показывали фото парня, найденного на мусорной свалке. Он очень похож на тебя. И если бы ты постоянно не звонил мне, я могла бы подумать, что это, наверное, ты. А так... Я ничего не понимаю... Что это за ужасное недоразумение и почему его связывают с тобой?

Она полувопросительно взглянула на сына. Он сидел, сцепив руки, глядя в пол, слушая. От нее не укрылось, что он, по-видимому, испуган, сцепленные кисти рук от чрезмерного сжатия побелели. «Что с ним... или... он просто неприятно поражен...»

– Полицейский просил немедленно позвонить, как только ты приедешь. Я думаю, он хочет просто убедиться, что это не ты был убит.

– Мне позвонить? Но ведь сегодня воскресенье. Там никого нет, я уверен. Я позвоню завтра. А то если его самого сегодня не будет, придется рассказывать всю эту нелепую историю кому-то другому. А передавать через кого-то – хуже нет. Давай так сделаем, – словно успокаивая себя и мать, и вновь обретая уверенность, сказал Марк. – Я сегодня после дороги отдохну, а завтра спокойно позвоню. Да, мама? – от его испуга и беспокойства не осталось и следа.

– Марк, скажи мне, все действительно в порядке? Сколько вас там веселилось? – все еще встревоженно спросила мать.

– Да, все в порядке. Нас было восемь: пятеро ребят и три девушки. Все, слава Богу, живы, здоровы. Я думаю, что это... это не имеет к нам никакого отношения. Вот что: я сейчас пойду к себе в комнату, посплю пару часов, потом просмотрю план занятий на этот семестр, может, немного позанимаюсь, а ты не переживай зря. Вечером мы переговорим с тобой обо всем, о завтрашнем звонке также. Вот увидишь, сегодня нам звонить никто не будет. Они все тоже хотят отдохнуть в выходной.

Мать боялась признаться себе, что какое-то десятое чувство подсказывало ей: Марк что-то утаивает.

* * *

Любовь Александровна никогда не говорила на эту тему с сыном. Она не хотела его расстраивать, до сих пор умело скрывала, что очень тоскует по Москве, по России. Особенно остро она почувствовала бессмысленность своего пребывания в Германии после смерти мужа. Он погиб в результате автокатастрофы, виновником которой был сам: не смог справиться с управлением автомобиля в гололедицу... Невольно она перенеслась в их уютную московскую квартиру на Кропоткинской, в старом центре Москвы. Как все там было хорошо...

...Люба некоторое время колебалась, не отвечала на предложение Марка (мужа также звали Марк), раздумывала, выходить за него или нет. Мать говорила: «Не вздумай ради бога! Откажи, вдруг захочет уехать, что тогда? Умрешь с тоски там». И вот ее пророчество сбылось, изнывает она потихоньку от тоски здесь, в Германии. Но какая разница – Америка, или Германия, или какая-то другая страна – Родина-то далеко. Да... Мать решительно ей советовала тогда отказать, а подружки наоборот: «Ой, Люб, и что ты думаешь еще! Марк такой видный, красивый, умный. Такого типа люди – замечательные семьянины. Все в дом, к тому же не пьет, не курит». Сама же Люба маялась оттого, что нравился ей Марк, очень нравился, влюблена была. Но... и пугал ее одновременно. Чувствовала, что он парень не промах, но его оборотистость и энергичность не столько радовали ее, по натуре робкую и застенчивую, сколько настораживали. Ей представлялось, что уж очень беспокойной будет жизнь с ним. Но поначалу вышло все наоборот. Он настолько ее любил, что только все и делал, чтобы исполнить все ее желания, только бы ей было уютно, удобно и хорошо, хотя она ни о чем особенном его и не просила. По этой же причине, чтобы не волновалась излишне, и в школу не пустил рабо-

тать. Так она, будучи учительницей английского языка, превратилась в домохозяйку. А потом появился сын, и все внимание было отдано ему.

Люба не считала себя необыкновенно красивой и какой-то особенной, и сама не понимала, почему ей выпало такое счастье. Со всех сторон она только и слышала о разводах, изменах, ссорах. И благодарила Бога, что у нее спокойная, счастливая жизнь. И чем больше старался угодить ей муж, тем больше чувства благодарности и нежности переполняли ее. Марку Люба казалась Мадонной, сошедшей с картин старых мастеров. Раз увидев ее, не мог забыть. Навсегда пленила Марка необычайная чистота ее светлого лика: огромных голубых глаз, нежного овала в обрамлении пшеничного цвета волос. Угадал сердцем Марк, а позже год от года уверялся, что не изменит жену ни время, ни появившаяся роскошь, которой он окружил ее. Многие ее ровесницы теряли себя со временем, превращаясь в суетных алчных фурий... Все было хорошо до той поры, пока Марку не пришла мысль уехать в Германию. Для него были тесны рамки законов в России, незаконно же делать бизнес он не хотел. Ему долго пришлось уговаривать жену, и она вынуждена была согласиться, так как не представляла себя больше без него.

Восемь лет назад, когда они переехали в Германию, сыну было пятнадцать. Мальчику все здесь нравилось. Он быстро освоил язык, нашел друзей. Учился он легко и поступил в университет. Не без помощи отца выбрал специальность экономиста. Ей же пришлось вспомнить немецкий, который она в институте изучала как второй язык. Это ей очень пригодилось в новых условиях, Люба и мужу помогала в освоении языка.

* * *

У Марка нашелся родственник, который приходился ему по какой-то дальней отцовской линии не то троюродным дядей, не то еще кем-то. У Иосифа Гринберга были две незамужние уже в годах дочери, и он очень тепло отнесся к их сыну, который, чем-то приглянулся ему. Гринберг обещал составить дарственную на старый дом-дачу в пригороде. Правда, с дарственной все-таки медлил, однако ключи от нее передал Марку-младшему. Сначала их сын безразлично отнесся к такому подарку, но потом смекнул, что там неплохо встречаться с друзьями в праздничные дни. Мебель в старом доме стояла изрядно потертая, но для краткого времяпрепровождения была пригодна. Марку очень понравилось наличие камина. Он говорил, что это романтизирует обстановку. На дачу завезли холодильник, посуду, белье, пылесос, дрова для камина там были. Убрать дом с помощью пылесоса не составляло труда. Комнат было четыре, но кроме кухни-гостиной все небольшие. Марк всегда располагался с друзьями в гостиной, а так же иногда в прилегающих к ней комнатках. На чердак, в погреб и в маленькую кладовку в конце коридора почти не заглядывал. Со временем Марку все больше импонировала мысль, что он станет владельцем этого дома. И он даже строил планы, как и что он переоборудует там. Но в первую очередь, ему хотелось превратить во что-то другое кладовку и избавиться от хлама, который в ней был свален. Ему было стыдно перед друзьями за это старье, хотя сам он иногда вытаскивал оттуда любопытные старинные вещишки. Все дни рождения и праздники Марк с друзьями стал проводить на даче.

Марк-старший примкнул к одной торговой немецко-русской фирме, а потом начал подготовку к организации собственного предприятия. Но... автокатастрофа оборвала все его планы.

* * *

В понедельник утром в кабинетах Вибке и Штока одновременно раздался телефонный звонок, который они оба ждали. Шток не стал спрашивать Марка Гринберга, почему тот не позвонил сразу, когда приехал. Он пригласил Марка явиться к нему через полчаса. А пока до

прихода Марка еще оставалось время, решил посмотреть данные медэкспертизы и фотографии убитого.

Когда в кабинет вошел Марк, Шток был ошеломлен, он все-таки не ожидал, что парень окажется как две капли воды похож на убитого. Марк держался спокойно и казался уверенным в себе.

– Пожалуйста, я слушаю вас, задавайте вопросы.

– Нет, я хочу послушать тебя, ты должен рассказать, что произошло тринадцатого февраля на даче. Все подробности.

– Произошло? – на лице Марка отразилось недоумение. – Но... ничего не произошло. Мы просто веселились.

– Давай, давай, по порядку, – повторил комиссар, насмешливо-выжидательно глядя в упор на Марка.

Шток неизвестно каким образом чувствовал, что парень делает над собой усилие, чтобы держаться как можно спокойнее и увереннее.

Марк, стараясь выглядеть невозмутимым, начал рассказывать: четверо его приятелей – Люка, Томас, Франк и Вилли, а также Мелани, Соня и Инга – решили поехать с ним в день карнавала на дачу. В эти дни стояли сильные морозы, и поэтому бродить по улице и глазеть на карнавальное шествие им не хотелось, они желали устроить свой праздник. Шток записал телефоны его друзей и сказал, что пока Марк может быть свободен.

От разговора с Марком у Штока осталось двойственное ощущение. Все, что излагал Марк, казалось вполне убедительным. Но в том-то и дело, что – казалось. Интуиция подсказывала: Марк определенно что-то скрывает. Но он решил ничего не предпринимать, пока не поговорит с другими участниками карнавальной пирушки. При этом у него будет возможность воссоздать полную картину происшедших событий и сопоставить все услышанные версии о том, что было в эти два дня на даче.

* * *

На первые свои встречи с участниками веселой компании Шток решил пригласить девушек. С женщинами ему всегда больше нравилось работать. Соня, Инга и Мелани должны были появиться в его кабинете одна за другой с перерывом в один час.

Когда открылась дверь и в кабинет заглянула порывистая Мелани, он почему-то сразу решил, что с ней проблем у него не будет. Шток жестом пригласил ее сесть, и девушка неуверенно приземлилась на стул, стоящий по другую сторону стола. Потом, немного освоившись, с любопытством огляделась.

– Вы в первый раз в полиции?

– Да, раньше бывать не приходилось... – Как бы в подтверждение этих слов, на ее темно-коричневом лице еще больше округлились большие черные глаза. – Я не совсем поняла, зачем вы меня вызвали. Я не припомню за собой ничего такого, что могло бы заинтересовать полицию.

– А я ведь еще не произнес ни слова... не то чтобы обвинять вас. Меня только интересует, чем вы занимались во время карнавальных праздников.

– Ах, вот как. Но нельзя ли поконкретнее? Празднества длились не один день. Мне нужно все дни описывать?

– Если совсем конкретно, то я хотел бы услышать все о вечеринке на даче Гринбергов. Все, абсолютно все. Меня интересуют любые мелочи.

Мелани, удивленно наморщив лобик, стала лихорадочно вспоминать. Несколько минут она сидела, делая попытки припомнить, очевидно, что-то особенное, но, видно, ей ничего, на ее взгляд, стоящего в памяти не всплывало.

– Я не могу ничего такого вспомнить, – неуверенно, наконец, произнесла она и вопросительно взглянула на Штока.

– Но я и не жду от вас чего-то такого. Просто расскажите все по порядку: как вы попали в эту компанию, что делали на даче, как вели себя ваши приятели, где вы с ними познакомились.

– До карнавала я не была знакома ни с кем, кроме Томаса. Он и привел меня туда. Томаса я знаю давно, мы вместе учились в школе, он потом пошел учиться дальше, а я выбрала себе профессию стюардессы. Встречаемся мы с ним не очень часто. У меня редко в праздники бывают выходные. Но большого выбора у меня в этот карнавал не было. И я приняла приглашение Томаса. Хотя, скорее, из любопытства: хотелось побывать в компании студентов. Все было, по-моему, нормально.

– Вы как-то в общем говорите. Расскажите все последовательно. Во сколько вы приехали? Кто был одет в карнавальные костюмы, какие? Были ли все трезвые, или уже кто-то успел выпить? Как зашли в дом? Что было потом?

Мелани опять задумалась. Потом недовольно произнесла недоуменным тоном:

– Ну я же говорю, ничего особенного не было. Ну зашли, внизу была огромная кухня-гостиная. Верхнюю одежду мы сбросили на стоящее в углу большое кресло. Как все одеты были и во что, я уже не помню. Помню только, что Марк был в красной мантии и такого же цвета маске. Сначала все уселись у камина. Марк затопил его. Потом перешли к столу.

Мелани рассказывала, и, казалось, что она с трудом припоминает все случившееся. Но почему?

– Мелани, перед приездом на дачу вы, наверное, все немного выпили?

– Ну... да... в общем. Скорее всего, трезвыми были тогда только Люка и Франк... может, Марк еще. Я точно не знаю. Люка и Франк вели машины. Они должны были быть трезвыми.

Шток думал, как он ошибся! Из Мелани приходилось все сведения вытаскивать будто клещами. Она совершенно не могла последовательно и спокойно рассказывать. Все от нее как бы уплывало. Или она что-то скрывает, боится, или была пьяна очень... или то и другое.

– Сколько вы выпили до приезда на дачу?

– Ну... немного. Ко мне подружка заскочила около двенадцати. Вот мы и отметили встречу. Немного ликера выпили.

– А с Томасом какие у вас отношения?

– Ну... нормальные, дружеские. Иногда нас тянет друг к другу. Тогда мы встречаемся. Мы в школе часто были вместе, а потом только изредка.

Штоку удалось не очень много узнать от Мелани. В ее рассказе было много пробелов. Она явно что-то не договаривала... Он решил чересчур с ней не возиться. Подходило время встречи с Соней. Если понадобится, Мелани придется прийти еще раз.

Соня оказалась миловидной спокойной девушкой. Она конкретно отвечала на все вопросы, но не более, была довольно сдержанна. Слушая ее, Шток понял, отчего Мелани с большим трудом давалось восстановление всех событий, происшедших на даче. Во-первых, она была изрядно пьяна, во-вторых, довольно быстро отправилась спать в прилегавшую к гостиной спальню. Потом, спустя некоторое время, к ней присоединились сначала Вилли, а потом Томас. Все трое оставались в спальне до утра. Соня дала понять, что не одобряет приглашение в их компанию Вилли, Томаса и Мелани. Она сообщила, что вначале они собирались только вчетвером отправиться на дачу: она, Франк, Инга и Марк. Но потом к ним захотел примкнуть неуклюжий медлительный Люка, который, однако, мог преобразиться, превращаться в заводилу, если ему нравилась компания, и он считал ее своей. Ему не стали отказывать. Как и почему в компании оказались двое других – Вилли и Томас – она не знала, увидев их уже в машине по дороге на дачу, а с ними и подвыпившую Мелани. Из Сониного рассказа следовало, что они вначале планировали, как можно веселее провести карнавальный вечер, а для этого намеревались сыграть импровизированный спектакль: каждый мог для себя выбрать любую

роль, исходя из своих пристрастий, фантазий, настроения, а также того костюма, который был в это время на нем. Как выяснилось, костюмов почти ни у кого не было, кроме Марка, который был облачен в красную мантию и такого же цвета маску, и Люка, у которого был балахон не то монаха, не то странника. У Сони и Инги были только блестящие легкие накидки и маски с блестками. Себе девушки отвели роль легкокрылых созданий, которые, в зависимости от общей идеи инсценировки, могли превратиться в фей, принцесс или просто див. Но этот импровизированный спектакль, который мечтали устроить девушки, – как выяснилось, подружки Инга и Соня, – организовать не удалось. По какой причине, Соня и сама толком не поняла. Никто от спектакля вроде бы и не отказывался...

Соня считала, что вечеринка в целом не совсем удалась из-за Вилли, Томаса и Мелани. Из-за того, что они были чересчур пьяны, за столом вначале велся какой-то бессмысленный разговор, без конца произносились скабрёзные шуточки, исходившие в основном от Вилли, на которые подвыпившая троица тут же отвечала хихиканьем, сама себя развлекая. Остальным приходилось полукиисло улыбаться.

Соня, пожав плечами, сказала Штоку, что она не понимает, как Марк мог пригласить эту троицу на вечеринку. На вопрос: как долго спала Мелани, выходила ли она из спальни, Соня ответила, что Мелани больше не выходила, но очевидно, просыпалась и засыпала неоднократно.

Немного замаявшись, Соня открыла еще одну тайну Мелани: услышав в первый раз крики, возгласы, громкие стоны, она сначала подумала, что Мелани плохо и бросилась в спальню, но... она увидела, что Мелани просто-напросто занималась сексом с двумя партнерами одновременно. Больше она в спальню, конечно, не заглядывала. После того как подвыпившая троица, немного поспав, начала развлекаться в спальне, оставшиеся в гостиной пытались делать вид, что ничего не заметили, шутили, смеялись, рассказывали анекдоты. Потом Люка сказал, что раз никого уже больше не тянет устроить импровизированный спектакль, пусть каждый расскажет какую-нибудь смешную историю из своей жизни, происшедшую обязательно в карнавал. Но историю смог поведать только сам Люка. Вышло это у него очень смешно. Все от души посмеялись, а потом сделали танцевальную паузу.

На вопрос, не было ли каких-то конфликтов, инцидентов, Соня, пожав плечами, ответила, что не может ничего такого припомнить.

Следующая встреча была с Ингой, девушкой Марка. Тоненькая, черноглазая, с короткой стрижкой, она напоминала подростка. Казалась очень серьезной. Эта серьезность проявилась и в ответах. Она сначала продумывала вопрос, потом на него обстоятельно отвечала. Ее описание событий мало чем отличалось от рассказа Сони. И только, когда был задан все тот же вопрос, были ли конфликтные ситуации или что-то необычное на празднике или в поведении всех его участников, Инга, подумав, ответила, что, пожалуй, она была немного удивлена, когда, вернувшись, выходящий Марк назвал Соню почему-то Мелани. Инга ему сказала тогда: «Ты же почти трезвый, а не можешь отличить Соню от Мелани, может, и меня скоро назовешь по-другому?». Он улыбнулся тогда, ответил, что это нечаянно вышло. Было ясно, что Инга влюблена в Марка. Она и не скрывала, что у нее более чем дружеские отношения с Марком.

Из показаний всех трех девушек было ясно, что, по всей видимости, никто из них даже не подозревает об убийстве, по его предположению, совершённом на даче. Правда, Шток и не пытался первое время давить на девушек, не атаковал их специально разработанной тактикой внезапных вопросов. Он решил, что все должны просто высказаться, воссоздать картину такой, какой она была в их представлении в тот день.

На следующий день были назначены встречи с ребятами. Шток не ожидал, что толстяк и добряк – по общему описанию – Люка будет держаться с надменностью и высокомерием. Это не вязалось с его добродушной физиономией. В ответ на все тот же вопрос, было ли что-то чрезвычайное в день карнавала на даче, он заявил, что вообще не видит связи между орди-

нарной пирушкой и заинтересованностью полиции. И ничего сверхинтересного рассказать не может. Тянуть его за язык не было смысла.

Томас и Вилли старались держаться ниже травы, тише воды. Они пытались вспомнить что-либо сверхнеобычное, но безуспешно. Говорили тихо и угодливо, заглядывая Штоку в глаза. Очевидно, о таком стиле кроткого поведения договорились заранее, опасаясь, как бы им не вменили групповое изнасилование или что-то в этом роде.

Франк был спокоен, уверен в себе, но также ничего примечательного в тот день не находил, хотя у Штока осталось ощущение, что он все-таки хотел что-то сказать, но... может быть не решился.

Первоначально все участники карнавального праздника были опрошены. Кое-какая схема у Штока все-таки наметилась, несмотря на почти никакую результативность встреч. Но для ее подтверждения он решил применить другие методы и пригласить всю группу молодых людей в маленький зал полиции и, объявив об истинной причине заинтересованности полицией их пирушкой, посмотреть, какая реакция последует за этим сообщением. Скорее всего, они попытаются провести собственное расследование.

* * *

Мелани была уже не рада, что согласилась поехать с Томасом в карнавал на дачу, и беспрестанно упрекала себя за это. По типу своего характера она и так часто бывала всем недовольна. А сейчас ее особенно раздражало все происходящее. Она не чувствовала особенных угрызений совести за любовь втроем, считая это своим личным делом. Ей нравилось, когда ее прихоти удовлетворялись не одним партнером, а минимум двумя. Это отвечало ее темпераменту и привычкам, появившимся еще в ранней юности. Главным образом, ее злило то, что на работе появились осложнения. Она была отстранена от рейсов на неопределенное время. И хотя никто не сказал ей дурного слова, она по реакции коллег видела, что руководство отрицательно отнеслось к тому, что ею заинтересовалась полиция, и она боялась увольнения. Пока же Мелани была переведена на другую работу: встречала и провожала пассажиров.

Соня и Франк, обсудив создавшуюся ситуацию, пришли к единодушному мнению, что полиция, вероятно, проверяет все мыслимые и немыслимые варианты какого-то преступления, которое к ним не имеет никакого отношения. С их пирушкой не может быть связано ничего противоправного. Правда, Соня высказала предположение: вдруг Мелани заявила о групповом изнасиловании... Франк, поразмыслив, сказал, что дело, видно, в чем-то другом, иначе допросы велись бы по-иному.

Вилли и Томас, поняв, что их никто не обвиняет ни в каких сексуальных преступлениях, успокоились и решили, что они оказались даже в лучшем положении: занимаясь сексом и проводя в спальне наибольшее количество времени, они как бы запаслись алиби, позволяющим сказать, что они не причастны к чему бы то ни было.

Инга больше других была расстроена всем происшедшим. Она не понимала, почему в ее отношениях с Марком пробежала какая-то неуловимая тень. Все было как будто как всегда: Марк был доброжелателен и внимателен, но у нее было такое ощущение, что он постоянно о чем-то думает, даже целуясь с нею, даже лаская ее в постели. Она пыталась у него узнать, в чем дело, что с ним... Но он сделал удивленные глаза и ответил, что не понимает, о чем она. Потом постарался ее нежно успокоить. Они решили, что оба утомлены зимней сессией, и лучше всего съездить куда-нибудь. Наметили маршрут в Италию. К ним присоединились Соня, Франк и Люка. Поездкой были довольны, все в Италии были впервые. Им понравился Неаполь, очаровал строго-царственный Рим. Правда, в Венеции, – почему-то именно там, – Инга видела, что Марк как бы уходит в себя, иногда не слыша и не видя ничего вокруг. Так было несколько

раз. На ее вопросы он отвечал, что просто задумался. Но о чем? Так и не рассказал. Она знала его не первый год и прежде такого за ним не припоминала.

После опроса в полиции пятерка друзей решила, что тут какое-то недоразумение, что полиция, как это бывает не так уж редко, идет по ложному пути.

* * *

В малом зале, куда были приглашены все участники пирушки, было небольшое возвышение, на нем стояли два стола и два стула. Шток и его помощник Вибке, готовясь к встрече с ребятами, подключили незаметные записывающие устройства, установили проектор для показа снимков крупным планом.

Спокойно и уверенно первым вошел Франк, за ним Соня, потом Марк и Инга, Люка, Мелани, Томас и Вилли.

– Вы все приглашены неслучайно сюда, хотя никто из вас не сообщил ничего особенного относительно событий, происшедших на даче тринадцатого-четырнадцатого февраля, – Шток произнес эти слова спокойно, но в его тоне не было той доброжелательности, с которой он относился к каждому участнику встречи на первоначальных опросах, наоборот, его голос отдавал звоном металла. – А тем не менее, четырнадцатого февраля на даче совершено преступление, убит молодой светловолосый парень, вот его фотопортрет.

На стене крупным планом высветился портрет молодого человека двадцати-двадцати трех лет. Это объявление по-разному подействовало на группу молодежи, из которой никто каким-то роковым образом не слышал и не видел объявлений по радио и телевидению о розысках кого бы то ни было, кто знал убитого.

Мелани и Инга невольно вскрикнули, Соня, широко открыв глаза и побледнев, в немом удивлении уставилась на портрет. Люка, придерживая очки руками, настойчиво вглядывался в фотографию, одновременно в растерянности покусывая губы. Франк удивленно смотрел на убитого, невольно вглядывая на Марка и сравнивая их очевидное сходство. Вилли недоуменно гримасничал, разглядывая незнакомца. Томас удивленно переводил взгляд с фото на Марка и с Марка на фото. Марк сидел так, будто его обухом по голове ударили. Кроме удивления, застывшего в глазах, было сложно прочесть у него на лице какие-то другие эмоции.

Первым решил заговорить Томас.

– Это невероятно! Это какая-то подтасовка! Марк ведь жив. Он с нами.

Шток никак не прокомментировал слова Томаса. Он решил не вмешиваться, а только наблюдать за реакцией группы. Восстановилась тишина. Никто не произносил ни звука минут пять. Шток также молчал, не проявляя никаких признаков нетерпения.

– Марк жив, но парень-то мертв, – прервал тишину голос Вилли.

И опять стало тихо.

– Марк, ты никогда не говорил, что у тебя есть брат, – волнуясь, проговорила Инга.

– У меня брата нет и никогда не было, Инга, – спокойным и внушительным тоном ответил ей Марк. – Во всяком случае, я никогда не видел этого парня, не подозревал даже о его существовании.

– А почему вы решили, что этот парень имеет к нам отношение? Вернее, его убийство? Никто из нас не видел его никогда. Во всяком случае... – добавила Инга, – я никогда его не видела...

– И я...

– И я...

– И я... – подхватили остальные.

– Никто из нас никогда его не видел. Мы были вместе. Но его среди нас не было, – сказав это, Люка вопросительно посмотрел на Штока, ожидая, что тот ответит.

Шток промолчал минуту, потом спокойно сказал:

– Хорошо, допустим, никто из вас никогда не видел, не знал убитого. Но я пригласил вас сюда не только для его опознания, но и для того, чтобы вы по очереди рассказали все, чему вы были свидетелями на даче тринадцатого и четырнадцатого февраля. Шаг за шагом, деталь за деталью, мне нужна полностью картина этих дней на даче. Кто начнет первый?

– Я могу, – спокойно и уверенно произнес Франк.

Шток молча кивнул.

– Итак: мы все подъехали к даче около четырнадцати часов тринадцатого февраля на двух машинах. Одну из них вел я, в ней были Марк, Инга и Соня. Другой управлял Люка, с ним ехали Мелани, Томас и Вилли. Хочу проакцентировать, что пригласить к нам на вечеринку Вилли и Томаса была идея Марка. Они учатся на другом факультете, и я их почти не знал. Мелани вообще видел впервые. Как нам сказал Марк, Мелани – подруга Томаса. Я был с Марком на даче уже не раз. Поэтому для меня ничего нового не было. Мы оставили машины во дворе и вошли в дом. Пройдя узкий коридор, мы оказались в огромной гостиной, одновременно служившей и кухней. Перед большим камином лежали заготовленные дрова, которые Марку удалось быстро разжечь. Мелани, Томас и Вилли были слегка, как мне показалось, выпившие, но несмотря на это, Мелани отметила романтичность обстановки. Мы все сбросили верхнюю одежду на большое кресло, подвинули стулья и уселись у камина. Инга и Соня предложили свои услуги по организации праздничного стола.

Но Марк им ответил, что особых проблем нет, так как все уже приготовлено, надо только из холодильника вытащить. И девушки принялись ему помогать, накрыли стол, стали расставлять бутылки, блюда. Еда была вся, разумеется, холодная, и кто-то, – кажется, Люка, – предложил разогреть мясо. Но остальные сказали, что так даже лучше. Высокоградусная горячительная выпивка и холодная еда – лучшее сочетание. Когда все было готово, мы уселись за стол и стали произносить первые тосты. Сначала пили ром, чтобы согреться, и дружно набросились на холодный мясной рулет, а также разнообразные салаты. Наша группа: я, Люка, Марк, Инга и Соня, пили мягкий индийский ром маленькими порциями, понемногу. Новые же приятели, кроме того, что были подвыпившие, наливали себе часто и большими порциями. Они быстро захмелели, языки стали у них заплетаться. Первой из-за стола встала Мелани и, спросив, где можно поспать, отправилась сначала в туалет в коридоре, а потом в спальню, дверь в которую была тут же направо из гостиной. Через некоторое время за ней отправился таким же образом и Вилли. Когда Вилли ушел, Марк встал из-за стола и пошел в коридор, закрыв за собой дверь. Я решил, что он пошел в туалет, так как он ничего никому не сказал. Никто не обратил на это внимания. Сколько он там был, я тоже точно не помню. Хотя у меня мелькнула мысль, что он что-то задерживается. Но всех нас в это время пытался развлекать Томас. Он заявил, что хочет принять участие в готовящейся инсценировке и хочет играть Цезаря. Потом начал рассказывать исторические анекдоты о том, как развлекались римские властители, какие они устраивали оргии, как соблазняли наложниц. Начал он об этом рассказывать более-менее нормально, но потом, совершенно захмелев, стал выдавать такие сексуальные подробности, что наши девушки краснели. В это время вернулся Марк. Меня удивило, что он с любопытством, как мне показалось, слушает Томаса. Инга тоже удивлено посмотрела на Марка, что он слушает и ничего не говорит. Я сам также ничего не сказал Томасу, так как не видел смысла объясняться с пьяным. Но вскоре Томас захмелел окончательно и, шатаясь, сам выбрался из-за стола, отправившись в ту же спальню, где уже были Вилли и Мелани.

– Который бал час, когда Мелани, а также Вилли и Томас ушли из-за стола?

– Я не смотрел тогда на часы... Думаю, где-то в пять, то есть около семнадцати, пошла спать Мелани, а за ней, минут через двадцать – Вилли, и еще минут через тридцать – Томас.

Наступила пауза. Ее прервал Шток.

– Что же дальше, не помнишь?

– Отчего же. Помню. Просто мне не очень приятно рассказывать то, что было дальше, – приглушенно произнес Франк. И продолжил: – Дальше все оставались за столом. Инга пыталась что-то напомнить о наших планах по импровизации спектакля, Соня также начала строить предположения, как все это может выглядеть. Девушки тормозили нас, заставляя на ходу придумывать действующих лиц, их имена. Мы постепенно развеселились после тягостной паузы от рассказней Томаса. Я, Марк и Люка стали называть имена одно нелепее другого, это вызывало смех. Потом девушки заявили, что мы не можем ничего сыграть, если у нас нет общей идеи, выраженной в названии инсценировки. Пошла волна разных наименований. Опять начался гомерический хохот. Устав смеяться, мы решили подкрепиться и усиленно налегли на еду. Марк, заметив, как быстро опустошаются тарелки, сказал, что должен посмотреть запасы консервов, и вышел. Несмотря на то, что мы столько ели, а пили только маленькими дозами, хмель тоже стал мутить нам головы, мы стали хохотать из-за каждого пустяка.

– Франк, я перебыю тебя. Который был час, когда Марк вышел за продуктами? Ты должен указывать и время, – Шток внимательно смотрел на Марка.

– Приблизительно восемнадцать часов двадцать минут. Ну так вот, когда мы в очередной раз залились хохотом, в спальне вдруг раздались крики и стоны. Соня с испуганным лицом бросилась к дверям спальни, но открыв их и на несколько секунд заглянув внутрь, покрасневшая и с ошарашенным видом вернулась обратно, ничего не произнося. На вопрос Инги: «Что там? Что там случилось?», ничего не ответила и поморщилась. Тогда каждый из нас стал открывать дверь и смотреть, потом все возвратились к столу. Последний у двери был я. В это время вошел Марк. Он увидел, что я, заглянув в дверь, быстро ее захлопнул. Сказал: «Что там произошло?» и тоже посмотрел. Тихонько закрыв ее, он заявил: «Да, детки развлекаются». Для меня как-то странно было слышать это от него, так как манера разговаривать у него была совершенно иная. Мы все вернулись к столу, но наше веселье пропало. Мы сидели, смотрели друг на друга и не знали, что говорить. Возможно, для Мелани это совершенно нормально, заниматься столь открыто сексом с двумя партнерами одновременно в чужом доме, но мы вдруг почувствовали себя так, словно попали в бордель. Меня только удивило, что Марк, оглядев каждого из нас, сказал вдруг: «Ну что вы приуныли, ничего не случилось» и опять вышел из комнаты. Тут на помощь пытался прийти Люка. Он предложил всем начать рассказывать смешные истории, которые когда-либо произошли во время карнавала, и начал первым. Мне было не очень смешно, хотя остальные улыбались. Потом Люка встал, поставил диск. Услышав музыку, Соня пригласила меня, и мы стали танцевать. Потом мы с Соней ушли в другую комнату. Поэтому продолжить мой рассказ стоит кому-то другому.

– Это могу сделать я, – откликнулся Люка. – Когда Соня с Франком начали танцевать и целоваться, перестав замечать кого-либо вообще, я также стал приглашать танцевать Ингу.

– А где был в это время Марк? – прервал Люка Шток.

– Марк все еще не возвращался.

– Пожалуйста, Люка, припомни, сколько времени его не было с вами в гостиной?

– Точно я не могу сказать... наверное, с полчаса, а может быть, и больше. Но я помню, что когда Марк вернулся в гостиную, Сони и Франка уже не было. Марк принес домашнее вино, домашние консервы, и мы – теперь уже втроем – опять сели за стол. Сначала хотели позвать Соню и Франка, но потом решили им не мешать. Да, я забыл сказать: первое, что сделал Марк, когда вернулся, подкинул новые поленья в камин, который почти затухал. А потом снял мантию и маску, положил их в полиэтиленовый пакет. Ну а затем, сидя за столом, попробовав домашнего винца – вишневого настояки – мы продолжали разговаривать, немного ели, слушали музыку, я периодически ставил новые диски. Марк с Ингой стали танцевать. Потом тоже ушли в третью комнату, вход в которую был также из гостиной. Через некоторое время Инга, выскочив из комнаты, пробежала в туалет, потом быстро вернулась обратно к Марку. Оставшись один, я достал принесенную мной книгу, но... мне не читалось. Тогда я опять негромко

включил музыку, а когда очередной диск закончился, подошел к огромному креслу, где была наша одежда, переместил ее на стулья, а сам улегся и уснул. Спал я почти до восьми утра. В восемь тридцать из комнаты вышли Соня и Франк. Франк сказал, что надо будить остальных. У него нет настроения здесь расслаживаться. Сначала Соня деликатно и тихо постучала в комнату Марка и Инги. Инга мгновенно откликнулась, и минут через пятнадцать они с Марком вышли. Потом по очереди пошли в ванную комнату. Так же деликатно Соня постучала в комнату, где была троица. Первой отозвалась и выскочила Мелани. Она умылась и привела себя в порядок. Потом то же сделали и вышедшие с заспанными физиономиями Томас и Вилли. Мы все сели за стол. Все, что можно было, я еще вечером отправил в холодильник, и, сделав холодные бутерброды, мы ели их, запивая соком, а кое-кто вишневым. Кофе почему-то никому не захотелось заваривать. Марк сказал, что нужно все прибрать, поэтому все вернулись в комнаты, привели их в порядок, в том числе и гостиную. Потом девушки быстро убрали стол, остатки еды сбросили в пластиковые мешки и выбросили в стоящий во дворе контейнер. Потом мы вышли во двор, сели в машины и уехали. Вот и все, – добавил Люка.

Шток секунду помолчал, потом произнес:

– Кто следующий?

– Я, наверное, – поднял руку как в школе Марк. – Только я не знаю... мне что, все повторять или...

– Повторять не обязательно, но если считаешь, что кто-то до тебя был не точен, укажи, что, на твой взгляд, было не так, – ледяным голосом внес ясность Шток.

– Хорошо, я постараюсь учесть ваши замечания. Вилли и Томас оказались в нашей компании, потому, что случайно встретив меня в коридоре университета, они спросили, где я буду в дни карнавала. Я ответил, что у меня на даче соберется несколько друзей. И тогда они просто стали напрашиваться в компанию. Меня это немного удивило, я не слишком хорошо знал их обоих. Мы только иногда встречались в библиотеке университета, и я знал, что оба учатся на историческом. Но настроение у меня было хорошее, и я согласился. Томас потом сказал, что он хочет прийти с девушкой, но своих друзей я предупредить не успел. В основном, все, что говорили Франк и Люка, верно, но я хочу кое-что добавить о моих уходах. Когда мы сидели еще за столом, я почувствовал, что по ногам идет какой-то холод. Поэтому я решил выйти в коридор и посмотреть, закрыта ли дверь. Там я увидел, что входная дверь была действительно заперта не полностью. Я плотно прикрыл ее, но мне показалось, что в коридоре по-прежнему какой-то сквозняк, и идет он из тупика коридора. Я пошел в кладовку посмотреть, там было открыто маленькое окно, которое я также закрыл.

В кладовке у нас остались еще от прежних жильцов разные старые вещи, и я, закрыв окно, неожиданно увидел одну книгу, которую раньше не замечал. Она лежала за досками, приставленными к той стене, в которой и было окно. Я достал ее, но понял, что в гостиную я ее принести не смогу, она была заполнена порнографическими иллюстрациями. Я засмотрелся, и поэтому был, наверное, долго. Франк сказал, что я как-то неожиданно отреагировал на сексуальные забавы троицы. Но это потому, что я не знал, что сказать. Хотел остальных отвлечь, успокоить, хотя мне и самому было неприятно, что наши гости так ведут себя. Потом второй раз я вышел за продуктами в коридор, у нас там небольшой холодильник, где мы держим домашние консервы. Но возможно, под воздействием алкоголя, меня опять потянуло посмотреть эту книгу. В книге были не фотографии, а высокохудожественные рисунки, правда, с порнографическим уклоном. Я опять застрял там, разглядывая эту книгу. А потом, забыв о продуктах, вернулся в гостиную. И в третий раз я, вспомнив, что не принес продукты, пошел за ними опять. Когда я вернулся, Франк и Соня уже отсутствовали.

Мне представлялось, что мы по-другому проведем время. Больше будет шуток, розыгрышей, веселья. Наверное, моя вина, что я пригласил едва знакомых ребят. Они еще и выпили до встречи с нами. В общем, наши планы с карнавальными импровизациями провалились, можно

сказать. Я хотел как лучше, думал, больше людей – больше выдумок, затей, веселее. А парня на фото я вижу впервые, никогда не думал, что кто-то может быть так похож на меня. Вот и все, что я могу сказать, – закончил Марк.

Возникла небольшая пауза, потом Шток спросил:

– Марк, где теперь та книга, которую ты рассматривал в кладовке?

– Может, вам покажется смешным, я уже взрослый, но я боялся, что мама увидит, и выбросил книгу в мусорный контейнер.

– Но книга была не твоя. И потом, ты сказал, там были высокохудожественные рисунки... как ты мог это сделать?

– Я не хотел, повторяю, чтобы ее видела мама, а рисунки были все-таки... сплошная порнография.

– Я, честно, ничего не могу добавить к тому, что сказали Франк, Люка и Марк, – тихо сказал Вилли. Мне, честно, неудобно, что мы так вели себя, но я, к сожалению, не все помню. Да и мы рано ушли из гостиной. Ну вот и все, наверное... Но почему речь идет об убийстве? Мы все там были, но никто этого парня не видел... или я что-то не понимаю?

– Я тоже не понимаю, как может идти речь об убийстве кого бы то ни было, если мы все были вместе, а этого парня никто не знает... – подхватил не совсем внятным голосом Томас. – Чудеса какие-то. Мне также нечего сказать.

– Никто из нас практически никуда не выходил за пределы гостиной. Разве что в туалет или в ванную, – начала Соня. – И только Марк выходил в кладовку, но и он говорит, что никого и ничего не видел. Мне кажется, что если бы кто-то кого-то убивал, была бы, скорее всего, драка и шум. А мы ничего не слышали... Все как-то странно...

– И я так считаю, – подхватила Инга, – все произошло до нас, или после того, как мы уехали. Кто-то другой сводил счеты в чужом доме, а почему-то решили, что это произошло, когда там были мы.

Ни Шток, ни Вибке никак не прореагировали на предположения Сони и Инги. Внезапно резко повернувшись на стуле, Вибке спросил:

– Марк, почему ты остановил свой выбор на красной мантии и маске, кого ты изображал, кто твой герой?

– Я, – начал Марк немного растерянно, – мог быть и королем, и кардиналом... кем угодно, в зависимости от общего замысла нашей инсценировки. Но... как вы уже слышали, у нас ничего не получилось.

– И палачом? – продолжил Вибке.

– Если бы эта роль понадобилась по сценарию, – пожал плечами Марк, – возможно.

– Ты все время был в мантии и маске?

– Практически, да. Я снял их, когда увидел, что в гостиной остались только Инга и Люка.

– А где теперь твой маскарадный костюм?

– Я выбросил его потом, не помню точно в каком месте, в мусорный ящик. Я никогда не храню карнавальные костюмы, можете у Инги спросить, всегда выбрасываю.

– Да-да, правда, он всегда выбрасывает. А в этот раз он завернул мантию и маску в пластиковый пакет и выкинул, когда мы отъехали довольно далеко от дачи, по-моему, на Фридрих-штрассе, когда мы остановились перед светофором, а рядом был контейнер с мусором, – подтвердила Инга.

– А почему такая поспешность? – насмешливо спросил Вибке.

– Нет, я не торопился поскорее избавиться от этого костюма, но он был мне больше не нужен, и я не хотел, чтобы в машине оставалось что-то лишнее и ненужное.

– Ты не возвращался на дачу после четырнадцатого февраля? – спросил теперь уже Шток.

– Нет, не возвращался, мне там нечего было делать, я был рад, что закончилась зимняя сессия. И, встретившись шестнадцатого февраля, мы все пятеро решили съездить в Италию

отдохнуть. Инга не любит жару, вот мы и подумали: почему бы не съездить туда развлечься зимой.

– Если ты не возвращался, когда же ты мыл полы на даче? Твоя мама сказала, что ты вымыл полы в коридоре и кладовке, – в упор глядя на Марка, спросил Вибке.

– Да, я протер полы, пока Инга пылесосила гостиную, а Соня мыла посуду.

– Кто-нибудь видел, как Марк мыл полы в коридоре и кладовке? – Вибке медленно обвел всех взглядом.

– Я видела, как он закончил мыть коридор и с тряпкой и ведром пошел в туалет выливать грязную воду, – подтвердила Инга. – Я в это время открыла дверь из гостиной и немного пропылесосила порог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.